

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ (ETHNO & CULTURAL SOCIOLOGY)

DOI: 10.12731/2218-7405-2015-4-47

УДК331.108.44(=1.571.56-17-81)

ОСОБЕННОСТИ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ МОЛОДЕЖИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

Осипова О.В., Маклашова Е.Г.

Статья посвящена проблеме самоидентификации молодежи коренных малочисленных народов Севера. Приведены данные социологического исследования, осуществленного в пяти Арктических районах Республики Саха (Якутия). Акцент сделан на вопросах о том, какие эффекты оказывает на этничность принадлежность к особой категории и может ли увеличение числа коренных малочисленных народов Севера, зафиксированное в последний межпереписной период, свидетельствовать об их благополучном положении. Социологические данные, рассмотренные в этнического разрезе, демонстрируют сравнительно более негативные оценки собственной идентичности у молодежи коренных малочисленных народов Севера, а также экономического положения. Наиболее благополучное положение в плане позитивного самовосприятия наблюдается у русской молодежи. Промежуточное положение у саха. В статье делается вывод о том, что негативное самовосприятие может быть связано со статусом «коренных малочисленных народов Севера», который с одной стороны призван защищать интересы данной категории населения, с другой стороны зачастую навязывает им идеологию «приниженности и культурной уязвимости».

Ключевые слова: *идентичность; этничность; молодежь; коренные малочисленные народы Севера; Арктика.*

FEATURES OF IDENTITY OF INDIGENOUS PEOPLES' YOUTH OF THE NORTH

Osipova O.V., Maklashova E.G.

An article is devoted the problem of youth identification of indigenous peoples. The data of the sociological study, which carried out in five of the Arctic regions of the Republic of Sakha (Yakutia), was showed. Emphasis is placed on issues about what kind of effects on ethnicity are render belonging to a particular category and whether may increasing the number of indigenous peoples, recorded in the last intercensal period, testify to their safe position. Sociological data, considered in the context of ethnic belonging, show relatively more negative evaluations of their own identity among young people of indigenous peoples, as well as the economic situation. The most prosperous position in terms of positive self-observed in Russian youth. An intermediate position occupy Sakha. In the article, we make concludes that the negative self-perception may be associated with the status of «indigenous peoples», which on the one hand is should to protect the interests of this category of the population, on the other hand they often impose an ideology of «abjection and cultural vulnerabilities».

Keywords: *identity; ethnicity; youth; indigenous peoples of the North; Arctic.*

Одной из важных проблем современности называют утрату и размывание национальных культур малых этнических общностей, что порой напрямую увязывается и с исчезновением отдельных этносов.

Речь о вымирании этносов в России чаще всего заходит, когда мы говорим о коренных малочисленных народах – категории населения, к которой в Российской Федерации относятся этнические группы, составляющие менее 50 тыс. человек, представители которой ведут традиционный образ жизни (охота, рыболовство, морской промысел). Социально-экономическое положение и состояние культуры этих групп действительно находятся в кризисном положении. Тем не менее, это не говорит о возможности физического исчезновения представителей данных этносов.

По словам сотрудников Института этнологии и антропологии РАН, все заявления о вымирании коренных малочисленных народов Севера (далее – КМНС) основаны на интерпретации не совсем объективных данных. Дело в том, что при выявлении численности КМНС в 90-е годы наблюдались определенные искажения, полученные вследствие применения несовершенной процедуры учета данной категории населения [Тишков 2007: 55, Степанов, Соколова 2008: 77].

Более конструктивный подход, использованный при Всероссийской переписи населения 2002 и 2010 годов, показал, что численность коренных малочисленных народов Севера, напротив, увеличивается. В 2002 году она выросла в среднем на 15–17% в сравнении с переписью 1989 года [Тишков 2007: 54]. В последний межпереписной период было также зафиксировано увеличение числа КМНС. К примеру, в Якутии число эвенков возросло на 15,2% (с 18232 до 21008 чел.), эвенов – на 29,3% (с 11657 до 15071 чел.), долганов – на 49,8% (с 1272 до 1906 чел.), юкагиров – на 16,8% (с 1097 до 1281 чел.), чукчей на – 11,3% (602 до 670 чел.) [Итоги Всероссийской переписи..., 2010]. Выявленный довольно значительный рост, скорее всего, не может быть обусловлен только лишь демографическими процессами (естественный прирост населения), вероятно, на нем отразилась и смена частью населения этнической идентичности. Таким образом, демография не раскрывает сущность этнических процессов.

Однако сами статистические данные ставят перед исследовательским сообществом вопрос об их интерпретации, в частности, о том, может ли смена этнической идентичности с одной в пользу другой указывать на некое более благополучное положение тех, в чью сторону произошел переход? Можно ли объяснять смену идентичности в пользу коренных малочисленных народов Севера ростом самосознания?

Однозначного ответа тут нет, однако в теории этноса такое направление, как инструментализм, рассматривает этничность, в том числе, как источник неких ресурсов или как своеобразную реакцию людей на практическую ситуацию, в которой эта группа оказывается. Таким образом, смена этнической идентичности может быть обычным явлением, продиктованным текущей ситуацией. Кроме того, можно говорить о том, что этничность – это явление, которое способно подвергаться коррекции под воздействием политики, науки, законодательных мер и иных государственных процедур.

В современном российском обществе, по мнению С.В. Соколовского, существует целый ряд социальных практик, которые воспроизводят этничность: письменная фиксация этнической принадлежности в документах (документы гражданской регистрации); особая сфера политики «национальная»; этнофедерализм (учет этничности при административном устройстве страны), а также специальные меры поддержки, которые производят то или иное неравенство по этническому признаку [Соколовский 2005: 150-156]. Указанные практики в совокупности можно назвать некоей политикой государства в области воспроизводства идентичностей. В этом случае можно предположить, что выделение такой категории, как «коренные малочисленные народы Севера», фиксация определенного списка этничностей, включенных в данную

категорию, а также некоторые специальные государственные меры и гарантии в отношении указанных групп могут оказывать влияние на результаты переписи.

Стоит отметить, что в научной литературе можно встретить разнообразные мнения относительно эффектов политики в отношении коренных малочисленных народов Севера. К примеру, В. Степанов и З. Соколова пишут о том, что «вряд ли кто-то будет отрицать, что помощь государства КМНС в виде различных государственных льгот (в землепользовании, ведении хозяйства, образовании, здравоохранении) способствовала сохранению народов Севера, в том числе их самосознания» [Степанов, Соколова 2008: 73].

Считается также, что наличие специальных прав для коренных малочисленных народов является дополнительным стимулом для публичного проявления соответствующей идентичности [Маслов 2014: 61].

Однако надо учесть, что существует и несколько иное мнение, которое заключается в том, что статус КМНС, хотя и наделяет их рядом гарантий, но в то же время становится своего рода барьером для интеграции в рамках общества, а «железная клетка» зафиксированной инаковости, зачастую основанная на ситуации социальной приниженности и культурной уязвимости, неблагоприятно сказывается на восприятии собственного образа [Тишков 2003: 15].

В своем исследовании мы решили проанализировать данные социологического исследования по нескольким показателям самовосприятия, тем самым попытавшись выявить разницу в оценках представителей различных этнических групп, которая в действительности могла бы говорить либо о том, что статус КМНС влияет на самоидентификацию человека, либо о том, что он не дает значимого эффекта.

Для ответа на данный вопрос методом анкетирования сотрудниками сектора этносоциологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН в 2013–2014 гг. было проведено социологическое исследование в пяти административно-муниципальных образованиях, расположенных по арктическому побережью Республики Саха (Якутия): Усть-Янском, Анабарском, Аллаиховском, Нижнеколымском, Булуномском районах.

В качестве объекта исследования взята молодежь в возрастной категории от 14 до 30 лет. Данная категория населения была выбрана именно потому, что молодежь – это та социальная группа, которая не только отражает наиболее заметные изменения, происходящие в обществе, но и является основой воспроизводства социальной структуры общества. Следовательно, обращая внимание на молодежь, можно говорить о краткосрочной и среднесрочной перспективе развития событий.

В рамках анкетирования по квотной выборке было опрошено 510 респондентов – 47% мужчин и 53% женщин. Возрастные категории опрошенных составили: 14–17 лет – 25,5%, 18-24 года – 37,8%, 25-30 лет – 36,7%.

В пяти районах, вошедших в географические рамки исследования, по данным Всероссийской переписи населения 2010 года, проживают 28208 чел., из них 8460 чел. – саха (якуты), 7788 – русские, 4042 – эвены, 3181 – эвенки, 1498 – долганы, 561 – чукчи, 2106 чел. – прочие.

В рамках исследования было принято решение произвести также выделение категории «смешанная национальность». Это обусловлено тем, что для указанной территории были характерны довольно интенсивные процессы миксации населения. В результате формы этнической идентичности опрошенных распределились следующим образом: 17,3% – русские, 36,1% – саха (якуты), 33,1% – представители КМНС, 2,8% – прочие национальности и 10,7% – люди, указавшие принадлежность к двум (или более) этносам. Так как категория «прочие национальности» оказалась ниже процента допустимой погрешности, мы исключили ее из аналитической части исследования.

Переходя к результатам исследования, следует отметить, что данные, полученные в ходе полевых работ, говорят о том, что ситуация с самоидентификацией современной молодежи КМНС не может быть оценена однозначно как благополучная.

В первую очередь хотелось бы представить данные об отношении респондентов к собственной этнической идентичности, то есть выяснить является ли это отношение позитивным или негативным. Для этого участникам опроса было предложено оценить по шкале от 1 до 5 утверждение «Я горжусь своей национальностью». Как известно, гордость за свой этнос – один из тех индикаторов, которые наиболее полно отражают позитивное эмоциональное восприятие своей этничности. Ранее эта методика применялась Центром социологических исследований МГУ им. М.В. Ломоносова в 2005 г. при опросе населения Якутии [*Прохода, Рязанцев* 2007: 1121].

Наиболее позитивное восприятие собственной этнической идентичности наблюдается у русских (количество согласных – 74,2%, суммарный количество несогласных – 25,7%), в свою очередь более негативное – у лиц, указавших множественную идентичность (суммарное число в той или иной степени несогласных – 46,6%), а также у саха (40,1%), КМНС (40%) (рис. 1).

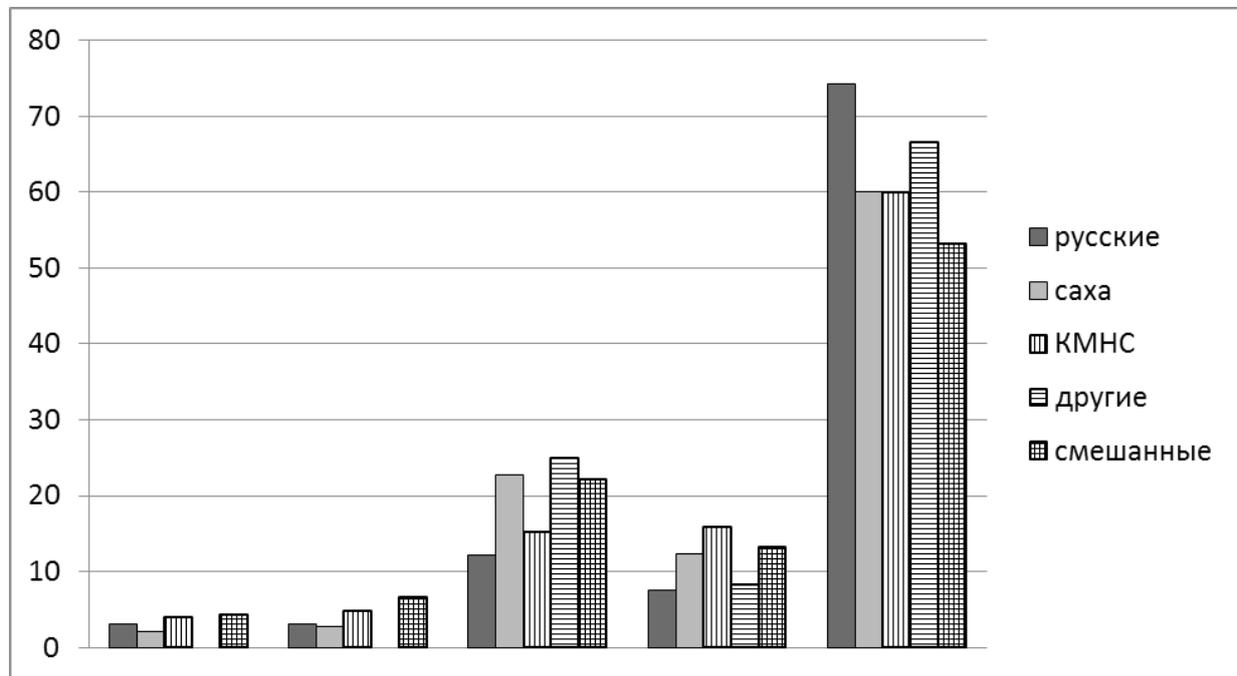

Рис. 1. Шкала «Я горжусь своей национальностью в зависимости от декларируемой этнической идентичности»

Сложность самого процесса идентификации у потомков межнациональных браков, а также проблемы несоответствия самоприписывания и приписывания к категории этничности другими в ходе социального взаимодействия во многом объясняют сравнительно низкие показатели восприятия собственной идентичности у людей «смешанной национальности». Так как в обществе укоренены примордиальные взгляды, то идентичность воспринимается ими как маргинальная, пограничная и уже в силу этого недостаточно полноценная.

Однако у чаха и КМНС подобным образом объяснить более негативное восприятие идентичности мы не можем. При этом надо отметить, что ситуация сравнительно более негативной этнической идентификации сопровождается высокой релевантностью данной идентичности.

Данный факт мы выявили, предложив респондентам ответить на следующий вопрос: «Насколько важно для Вас осознавать себя представителем своего этноса (своей национальности)?». Ответить предлагалось в виде ранжирования той или иной идентичности по степени значимости: «Очень важно», «Важно», «Неважно».

Таблица 1

**Значимость идентичностей в разрезе этнической принадлежности респондентов
(в % от числа ответивших на вопрос)**

Идентичность	Градация значимости	Русские	Саха	КМНС	Смешанная
Этническая	Очень важно	25	25,2	20,8	8,5
	Важно	44,4	52,1	64,6	57,4
	Неважно	30,6	22,7	14,6	34

Результаты опроса показали, что этническая идентификация важна (учитывались ответы «Очень важно» и «Важно») для респондентов разных национальностей не в равной степени. Более всего она значима для представителей коренных малочисленных народов Севера.

Таким образом, у представителей КМНС наиболее высокая значимость этнической идентичности (КМНС – 85,4%, саха – 77,3%) сочетается со сравнительно низкой степенью позитивного восприятия собственной этнической группы. В наименьшей степени это характерно для тех, кто заявил двойную этническую принадлежность, а также для русских.

Русские в этой ситуации, обладая наиболее позитивной идентичностью, придают ей меньшее значение. Потомки смешанных браков, имея сравнительно более негативную этническую идентичность, не придают ей большого значения в системе значимых идентичностей.

Как указывается в литературе, негативная этническая идентичность, являясь результатом неблагоприятного межэтнического сравнения, отражает негативную оценку представителей своей этнической группы. Она чаще присуща представителям недоминантных этнических групп и этнических меньшинств и может сопровождаться ощущением неполноценности, ущемленности и даже стыда за представителей своего этноса [Стефаненко 1999].

Таким образом, можно говорить о некоем неравенстве по этническому признаку, однако таком, которое не приносит позитивного самовосприятия группе.

Исследования в социальной когнитологии показывают: когда индивид сталкивается с двумя противоположными стимулами, в сознании формируется когнитивный диссонанс. Люди испытывают дискомфорт и беспокойство от любой когнитивной непоследовательности. Понимание несовместимости двух знаний буквально «разрывает» человека на части, стремящиеся в противоположные стороны.

Если раньше основной стратегией поведения, вытекающей из негативной оценки своей этнокультурной группы, было стремление сменить свою этническую группу, то сейчас в условиях кризиса экономики, когда «утверждение этнической своеобразности (для коренных малочисленных народов Севера) выступает как активная защита стабильности и покоя устояв-

шейся системы, которая... находится под угрозой»[Андерсон 1998: 207], происходит принятие индивидом собственной негативной этнической.

Причины негативного самовосприятия могут быть связаны с этим статусом. Как утверждает В.А. Тишков, риторика этнической своеобразности, совмещенная с трагизацией положения КМНС, на которой во многом строится политика «помощи» и «защиты» государства и которую зачастую поддерживают сами представители данных этносов, приводит к неоднозначным результатам. «Становясь частью внутреннего мира, данная риторика становится причиной эмоционально-психологической демобилизации, напрямую влияя на поведение и поступки людей» [Тишков 2003: 19].

В связи с этим далее хотелось бы обратить внимание и на такой показатель, как оценка собственного материального положения.

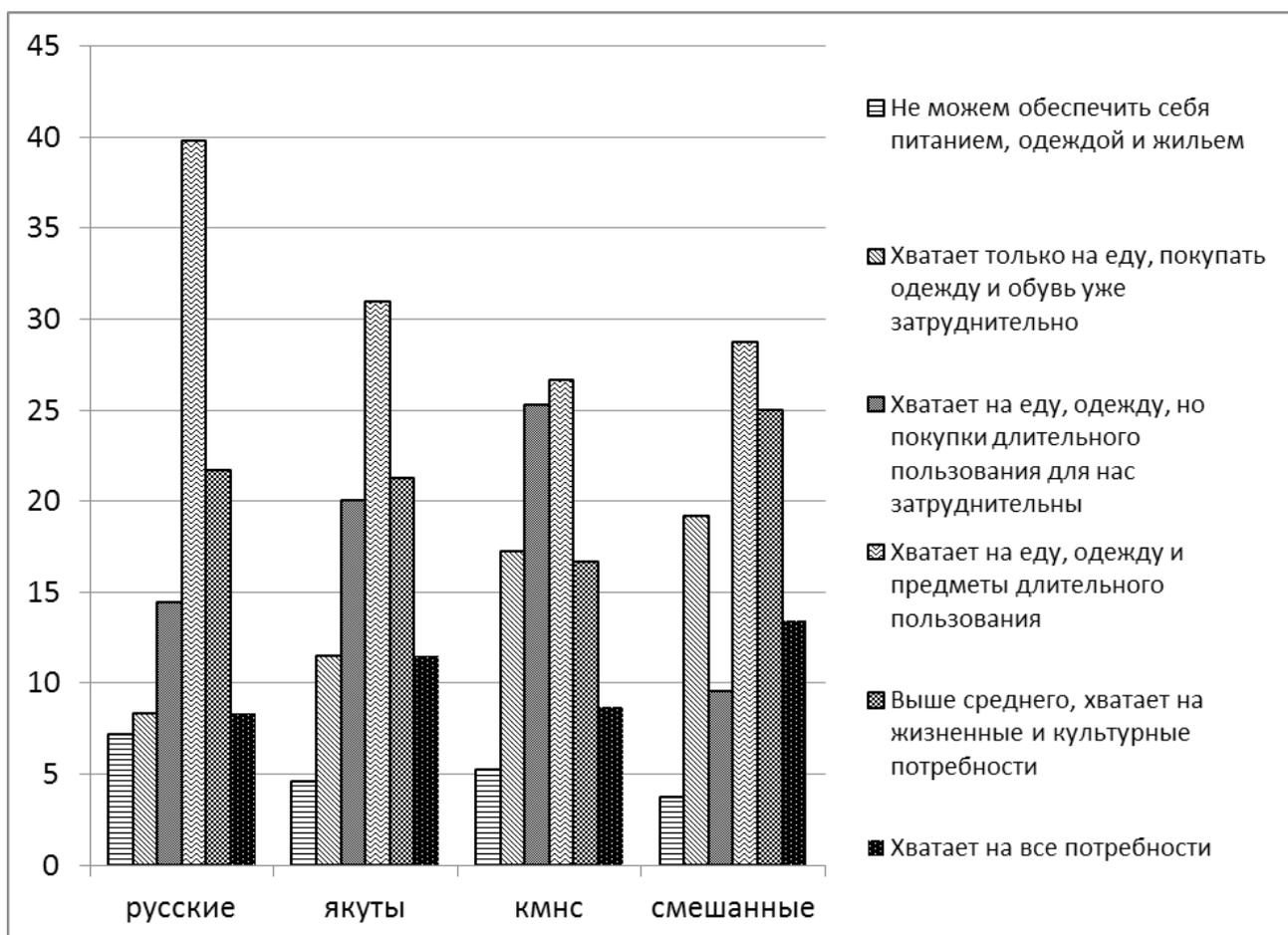

Рис. 2. Оценка собственного материального положения

На рисунке 2 мы можем видеть, что сравнительные показатели экономической идентичности у представителей КМНС более негативные, чем у русских или у саха или даже у людей с двойной или множественной идентичностью.

Здесь надо иметь в виду, что экономико-психологический статус личности – это не столько действительное имущественное положение человека, сколько отражение его социально-экономических ожиданий. Установление личностью своего экономического статуса определяется в большей мере субъективными психологическими критериями (представлениями о богатстве и бедности, социальными потребностями, притязаниями и т.д.), чем объективным, реальным положением [Хащенко 2004: 32-49].

Низкая оценка своего экономического положения может говорить о том, что экономическая самооценка КМНС продиктована риторикой трагизации и политикой так называемой помощи, основанной на идеологии приниженности. Дело в том, что эта идеология, хорошо прослеженная в работах Ю. Слезкина «Арктические зеркала», приводит к тому, что занимает позиция слабого, неспособного к созиданию и изменению своего собственного положения. Действительно, отношение к коренным малочисленным народам Севера выражалось на разных исторических этапах в различных формулировка от таких как «люди шатаний, бесцельных гастролей и т.д.» до «люди глубочайшей исторической социальной нужды, необычайной заботности и отсталости, поэтому по отношению к ним необходимо терпение и понимание» [Башиева и др. 2012: 13]. Однако многие из этих формулировок предвзятое отношение, как к неполноценным.

Таким образом, исходя из данных результатов следует отметить, что те более позитивные законодательные и социально-экономические условия, которые возникли за последние годы, конечно, стимулировали перемену этнического сознания, прежде всего, той части населения, которая происходит из смешанных по национальному составу семей. Таким образом, политика идентичностей может стимулировать перемены в этническом самоопределении, однако они будут носить конъюнктурное свойство. Однако, несмотря на то, что наблюдается некоторое положительное влияние, есть и обратная сторона, проявляющаяся в идеологическом контексте. Какие бы положительные законодательные инициативы не предпринимались, если они, смещая акценты, будут преподноситься исключительно как льготы, а не подчеркивать права коренных этносов, то со временем они окажут скорее отрицательное воздействие на восприятие идентичности.

Исследование позволило выявить, что несмотря на рост числа представителей коренных малочисленных народов Севера, наблюдается сравнительно более негативное восприятие соб-

ственного образа и проникновение идеологии приниженности, облеченной в форму помощи, в их самосознание.

Возможно, отчасти именно этим обстоятельством обусловлены исчезновение хозяйственных, культурных и языковых практик, безработица, высокое число суицидов среди представителей КМНС.

Список литературы

1. Андерсон Д. Дж. Тундровики: экология и самосознание таймырских эвенков и долган. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 272 с.
2. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 по Республике Саха (Якутия) [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия) [официальный сайт]. URL: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/ (дата обращения: 13.03.2015).
3. Маслов Д. Этничность и бюрократия: заметки о солидарности коренных малочисленных народов республики Алтай // Сибирские исторические исследования. 2014. №2. С. 60-82.
4. Прохода В.А., Рязанцев В.В. Этническая идентичность населения республик России (Карелия, Татарстан, Якутия) // Вестник Российской академии наук. 2007. Т. 77. №12. С. 1118-1126.
5. Современное положение и перспективы развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: независимый экспертный доклад. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. 168 с.
6. Соколова З., Степанов В. Категория «коренные малочисленные народы Севера» и проблемы статистического учета // Этнические категории и статистика. Дебаты в России и во Франции / Ред. Е. Филиппова. – М.: ИЭА РАН, 2008. С. 71-92.
7. Соколовский С.В. Институты и практики производства и воспроизводства этничности // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып.11. – М., 2005. С. 144-167
8. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. 320 с. [Электронный ресурс] URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/stef/12.php (дата обращения: 13.03.2015).
9. Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально- культурной антропологии. – М., 2003. 544 с.

10. Хашенко В.А. Экономическая идентичность личности: психологические детерминанты формирования // Психологический журнал. 2004. Т. 25, № 5. С. 32-49.
11. Этнокультурный облик России. Перепись 2002 года / Отв. ред. В.В. Степанов, В.А. Тишков. – М.: Наука, 2007. 516 с.
12. Этносоциальная адаптация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) / С.М. Баишева, Р.И. Донской, Т.И. Константинова, П.В. Сосин, П.З. Тобуков, А.Г. Томаска. – Новосибирск: Наука, 2012. 363 с.

References

1. Anderson D. Dzh. *Tundroviki: ekologiya i samosoznanie taymyrskikh evenkov i dolgan* [Tundra: ecology and identity Taimyr Evenks and Dolgans]. – Novosibirsk: SO RAN Publ., 1998. 272 p.
2. *Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 po Respublike Sakha (Yakutiya)* [elektronnyy resurs] // Territorial'nyy organ Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Respublike Sakha (Yakutiya) [ofitsial'nyy sayt]. URL: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/ (accessed March 13, 2015).
3. Maslov D. *Etnichnost' i byurokratiya: zametki o solidarnosti korennykh malochislennykh narodov respubliki Altay* [Ethnicity and bureaucracy: Notes on the solidarity of Indigenous Peoples of the Altai Republic] // *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 2014. No. 2. Pp. 60-82.
4. Prokhoda V.A., Ryazantsev V.V. *Etnicheskaya identichnost' naseleniya respublik Rossii (Kareliya, Tatarstan, Yakutiya)* [Ethnic identity population republics of Russia (Karelia, Tatarstan, Yakutia)] // *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 2007. Vol. 77. No. 12. Pp. 1118-1126.
5. *Sovremennoe polozhenie i perspektivy razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: nezavisimyy ekspertnyy doklad* [Modern situation and perspective of development of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: report of the independent expert]. – Novosibirsk: Instituta arkheologii i etnografii SO RAN publ., 2003. 168 p.
6. Sokolova Z., Stepanov V. *Kategoriya «korennye malochislennye narody Severa» i problemy statisticheskogo ucheta* [The category of «indigenous peoples of the North» and the problems of statistics] // *Etnicheskie kategorii i statistika. Debaty v Rossii i vo Frantsii* / Red. E. Filippova. – Moscow: IEA RAN Publ., 2008. Pp. 71-92.
7. Sokolovskiy S.V. *Instituty i praktiki proizvodstva i vosproizvodstva etnichnosti* [Institutions and practices of production and reproduction of ethnicity] // *Etnometodologiya: problemy, podkhody, kontseptsii*. Vol. 11. – Moscow, 2005. Pp. 144-167.

8. Stefanenko T.G. *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology]. – М.: Institut psikhologii RAN, «Akademicheskiy proekt», 1999. 320 p. [Elektronnyy resurs] URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/stef/12.php (accessed March 13, 2015).
9. Tishkov V.A. *Rekviem po etnosu: issledovaniya po sotsial'no- kul'turnoy antropologii* [Requiem for Ethnos: a study on the socio-cultural anthropology]. – Moscow, 2003. 544 p.
10. Khashchenko V.A. *Ekonomicheskaya identichnost' lichnosti: psikhologicheskie determinanty formirovaniya* [The economic identity of a person: psychological determinants of formation] // *Psikhologicheskiy zhurnal*. 2004. Vol 25. No 5. Op. 32-49.
11. *Etnokul'turnyy oblik Rossii. Perepis' 2002 goda* [Russian ethno-cultural look. 2002 population census] / Executive Editor . V.V. Stepanov, V.A. Tishkov. – Moscow: Nauka publ., 2007. 516 p.
12. *Etnosotsial'naya adaptatsiya korennykh malochislennykh narodov Severa Respubliki Sakha (Yakutiya)* [Ethnosocial adaptation of the indigenous peoples of the Republic of Sakha (Yakutia)] / S.M. Baisheva, R.I. Donskoy, T.I. Konstantinova, P.V. Sosin, P.Z. Tobukov, A.G. Tomaska. – Novosibirsk: Nauka Publ., 2012. 363 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Осипова Ольга Валерьевна, кандидат политических наук, научный сотрудник

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, г. Якутск, 677000, Россия

osipovaovr@rambler.ru

Маклашова Елена Гавриловна, кандидат политических наук, научный сотрудник

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, г. Якутск, 677000, Россия

maklashova@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Osipova Olga Valerievna, Ph.D. in political science

Institute for humanity research and Indigenous studies of the North of SB RAS
1, Petrovsky str., Yakutsk, 677027, Russia

osipovaovr@rambler.ru

Maklashova Elena Gavrilona, Ph.D. in political science

Institute for humanity research and Indigenous studies of the North of SB RAS
1, Petrovsky str., Yakutsk, 677027, Russia

maklashova@mail.ru